

ОБРАЗОВАНИЕ И ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА

Проблема, вынесенная на обсуждение («Образование в условиях кризиса»), занимает сегодня ключевое место в размышлениях всех, кто в той или иной степени отвечает за работу конкретных образовательных учреждений (вузов, школ, детских садииков и т. д.).

Я принял приглашение выступить, исходя именно из этого.

В обсуждаемой проблеме для меня наиболее важными представляются три аспекта: как кризис сказывается на системе образования, как система образования сопротивляется негативному влиянию кризиса и какое место будет занимать система образования при выходе из кризиса. Первые два вопроса очень аргументированно осветил в своем докладе Я. И. Кузьминов. Ответ на третий представляется не столь очевидным, поскольку требует предварительного осмысления целого ряда других, менее глобальных вопросов. Я не сторонник винить во всем только наше образование, но понять, какой вклад оно внесло в кризис и его развитие, очень важно. Так же важно понять, каким антикризисным потенциалом оно обладает. По результатам исследования, проведенного в Высшей школе экономики, 50% выпускников российских вузов работает не по специальности. Многие относят это к числу недостатков. Посмотрим на этот факт иначе. Люди, которые работают по специальности, для анализа обсуждаемой проблемы представляют мало интереса: получили специальность, получили место по специальности и работают себе спокойно. Бóльший интерес вызывают другие 50%: как этим людям удалось профессионально состояться, работая не по специальности? Что есть такого в нашей системе образования, что она

дает активным людям возможность быть успешными в другой профессии, не прописанной в дипломе? Кстати, недавно отмечался юбилей Д. И. Менделеева, человека, который вошел в десятку финалистов проекта «Имя России». Хорошо, что никто не поставил ему в вину то, что он, закончив педагогический институт в Санкт-Петербурге, работал не по специальности. Я убежден, что в условиях кризиса, да и вообще в условиях неустойчивого развития, надо выявить те сильные стороны нашей системы образования, которые позволяют людям успешно адаптироваться в разных сферах человеческой деятельности. Интересно, что, например, в Швеции людей, работающих не по специальности, — 18%, а в США — около 25%. В чем здесь причина? Может быть, это заслуга многоуровневой системы образования «бакалавр—магистр», которая принята в этих странах и в которой нет узких специальностей, так высокоценимых у нас? Может быть, это не люди виноваты в том, что работают не по специальности, а вузы, которые загоняют своих студентов в рамки узких специальностей, не соответствующих запросам рынка труда? Вывод из сказанного: может быть, в условиях кризиса вузам следует реально перейти на Болонскую систему, в рамках которой у выпускника должна быть возможность получить компетентности, востребованные на рынке труда, а при необходимости еще не один раз в течение жизни их нарастить или трансформировать? Может быть, наше фундаментальное образование надо сохранить не само по себе, как академическую ценность, а как базу, обеспечивающую в течение жизни успешное освоение различных профессий за счет дополнительного образования?

На очень важные размышления настраивает и состоявшаяся недавно встреча В. В. Путина с горняками Кузбасса, во время которой он очень аргументированно объяснил, почему нельзя увеличивать добычу угля: уголь идет в основном на выплавку металла, спрос на который за рубежом упал, а внутри страны его весь не употребить. Какое это имеет отношение к высшей школе? А вот какое. Большинство сидящих в зале помнят, что в советское время металл был наиболее дефицитным материалом, и мы стремились все время увеличивать его производство. При этом он в основном обрабатывался внутри страны. А это значит, что наши технические вузы готовили нужное число инженеров-металлургов и соответствующее им число инженеров по обработке металла. Вопрос: при выходе из кризиса металл по-прежнему будет вывозиться за границу и тогда инженеры по обработке металла будут мало востребованы или выход из кризиса будет происходить за счет развития собственного металлоемкого производства? В этом случае нужно срочно увеличивать подготовку современных инженеров-металлистов. Но беда в том, что система образования всегда работает с опозданием. Для того, чтобы на нее можно было опереться при выходе из кризиса в 2010 г., она должна была получить сигнал еще в 2008 г., чтобы за два года можно было подготовить хотя бы новых магистров. Не удивительно, что решение о создании Российской академии педагогических наук было принято в 1943 г., когда реально забрезжила победа, и было аргументировано необходимостью обеспечить стране лидерство в образовании и науке в послевоенный период, что, собственно, и было сделано.

Наша система образования не просто попала в глобальный экономический кризис вместе со страной, а испытала в это время ряд дополнительных воздействий, таких как переход на новую систему оплаты труда, введение обязательного ЕГЭ, новых правил приема в вузы, новых образовательных стандартов и т. д. Эти шаги тоже вносят свою лепту в неопределенность пути развития. Например, в новой систе-

ме оплаты труда вузы разделились: одни, сохраняя профессорско-преподавательский состав, «размазывают» заработную плату между большим числом работников, оставляя ее на низком уровне, другие используют ситуацию для избавления от части персонала и поддержания определенного числа эффективных специалистов. За неимением времени не буду анализировать последствия того или другого подхода. В любом случае (из доклада Я. И. Кузьмина это следует однозначно) систему образования ждет глобальная реструктуризация и появление не только лишних преподавателей, но и целых вузов. Но беда в том, что чем выше квалификация специалиста, тем труднее пере-квалифицировать его на другую профессию. Из профессора по шумерской культуре не скоро можно получить квалифицированного токаря-карусельщика и тем более — из доцента по обработке металлов давлением. Что делать с этими «лишними» профессорами и доцентами?

Какой выход я вижу и в чем суть моего предложения? Кризисную ситуацию надо прежде всего использовать для качественно иного развития дополнительного образования. Ни один высококвалифицированный преподаватель наших вузов не должен потерять возможность работать по своей прямой специальности — участвовать в формировании новых востребованных специалистов в самых разных областях жизнедеятельности. Каждый современный человек, живущий и работающий в быстро меняющемся мире, должен иметь возможность каждый год повышать свою квалификацию (а не раз в 10–15 лет, как сейчас). Но для этого нужны серьезные (в том числе и законодательные) решения на государственном уровне. Ведущие университеты должны стать центрами дополнительного образования, в том числе и антикризисного дополнительного образования. Я могу только высказать удовлетворение решением Федерального агентства по образованию придать нашему университету функции уполномоченного вуза по переподготовке и повышению квалификации научно-педагогических кадров нашей страны.